

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДЖАУС

*ТЫСЯЧА БЛАГОДАРНОСТЕЙ,
ДЖИВС!*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

Тысяча благодарностей, Дживс!

«Издательство АСТ»

1971

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Тысяча благодарностей, Дживс! / П. Вудхаус — «Издательство АСТ», 1971 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-104804-4

Каков главный кошмар жизни Берти Вустера? Разумеется, тетушки! Вот и на сей раз тетушка Даля прервала его безмятежное существование и затащила в сельское имение — агитировать в глуши на выборах в пользу старого школьного приятеля по прозвищу Медяк. Однако и это еще не все — в провинции на беднягу Берти немедленно набросились с целью его окольцевать сразу две барышни. Трагедия неминуема... если, конечно, на помощь не придет верный Дживс!..

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104804-4

© Вудхаус П., 1971
© Издательство АСТ, 1971

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пелам Гренвилл Вудхаус Тысяча благодарностей, Дживс!

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1971

© Перевод. Л. Мотылев, 2017

© Перевод. Л. Мотылева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Удобно усевшись за стол и приступив к яичнице с ветчиной, которую Дживс дал мне от щедрот своих, я испытывал, если можно так выразиться, странную экзальтацию. Обстановка казалась благоприятствующей. Я снова был в своей старой насиженной цитадели, и сама мысль, что я больше не увижу Тотли-Тауэрс, сэра Уоткина Бассета, его дочь Мадлен и, главное, презренного Спода, или лорда Сидкапа, как он теперь себя называет, действовала на меня, как средняя взрослая доза одного из тех общедоступных лекарств, которые поднимают общий тонус и вселяют в человека бодрость.

– Яичница, Дживс, – объедение, – сказал я. – Вкусней не бывает.

– Да, сэр?

– Без сомнения, эти яйца откладывали довольные жизнью несушки. И кофе отменный. Не премину пропеть хвалу и бекону. Скажите, вам не кажется, что со мной сегодня утром что-то творится?

– По-моему, вы в хорошем настроении, сэр.

– Да, Дживс, сегодня я чувствую себя счастливым.

– Очень рад это слышать, сэр.

– Можно сказать, я на седьмом небе, и радуга висит у меня через плечо.

– Прекрасное положение вещей, сэр.

– Помните то слово, начинается с «эй», я слышал, как вы иногда говорите его?

– Эйфория, сэр?

– Вот именно. У меня давно не было такого острого приступа эйфории. Я полон до краев витамином В. Хотя, конечно, как долго это продлится, неизвестно. Бывает, только развеселишься, а тут уже тучи начинают делать свое черное дело.

– Совершенно верно, сэр.

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронem.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот¹.

– Вот именно, – согласился я, подумав, что сам не смог бы сказать складнее. – Всегда нужно быть готовым к перемене погоды. Но пока она не произошла, будь счастлив в полную меру.

– Абсолютно точно, сэр. *Carpe diem*², советовал римский поэт Гораций. Английский поэт Геррик выразил те же мысли и чувства, сказав, что «нужно розы рвать, пока они свежи». Ваш локоть в масленке, сэр.

– Ой, спасибо, Дживс.

Что ж, пока неплохо. Начало удачное. Но как вести повествование дальше, просто не знаю. Не представляю себе, как писать новую главу Истории Бертрама Вустера – а именно на это я собираюсь замахнуться, – не углубляясь в прошлое, не упоминая событий, случившихся

¹ Уильям Шекспир. Сонет XXXIII. Перевод С. Маршака. – *Здесь и далее примеч пер.*

² *Лови день (лат.).*

в предыдущих главах и не объясняя, кто есть кто и что, где, когда и почему произошло; но начни я объяснять все это, что скажут те читатели, которые идут со мной рука об руку с самого начала? Они закричат: «Старье!» или, как говорят французы: «Déjà vu»³.

С другой стороны, я не должен забывать и о новичках. Нельзя допустить, чтобы бедолаги бились над решением ребусов. А то между нами может состояться примерно следующий обмен репликами:

АВТОР. Я почувствовал огромное облегчение, улизнув из Тотли-Тауэрс.

НОВИЧОК. Что это, Тотли-Тауэрс?

АВТОР. Дело шло к тому, что мне придется жениться на Мадлен.

НОВИЧОК. Кто это Мадлен?

АВТОР. Понимаете, Гасси Финк-Ноттл сбежал с кухаркой.

НОВИЧОК. Кто это Гасси Финк-Ноттл?

АВТОР. Но к счастью, поблизости оказался Спод и перехватил ее, чем спас меня от эшафота.

НОВИЧОК. Кто это Спод?

Сами видите, положение безнадежное. Бестолковщина, одним словом. Я вижу единственный выход: попросить читателей со стажем отвлечься ненадолго, есть множество дел, которыми они могли бы заняться – помыть машину, разгадать кроссворд, выгулять собаку, – пока я введу в курс дела начинающих.

Короче говоря, в силу обстоятельств, о которых здесь нет нужды распространяться, Мадлен Бассет, дочь сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэрс, графство Глостершир, долгое время полагала, что я безнадежно в нее влюблен, и уведомила меня, что если ей когда-нибудь представится случай дать своему нареченному Гасси Финк-Ноттлу от ворот поворот, она выйдет за меня замуж. Такой поворот нисколько меня не устраивал, ведь хотя я и сознавал, что она писаная красавица, она отвращала меня тем, что была сладко-слезливой барышней, звезды на небе считала божьими цветочками и верила, будто всякий раз, как высморкается фея, на свет появится младенец. А это, как вы сами понимаете, последнее, что захочешь иметь у себя в доме.

Так вот, когда Гасси неожиданно сбежал с кухаркой, казалось, что Бертраму уже недолго осталось гулять на свободе. Если девушка думает, что вы в нее влюблены, и выражает желание выйти за вас замуж, не скажете же вы ей, что с большей радостью сдохнете в канаве. Конечно, это при условии, что вы, как говорится, истый *preux chevalier*⁴, а быть таковым я всегда стремлюсь.

Но в тот момент, когда я уже был готов надеть терновый венец, вдруг, как я сказал, появился Спод, теперь живущий под именем лорда Сидкапа. Он давно любил ее за одухотворенность, но все не мог собраться об этом сказать, и теперь, когда он объяснился, они тут же спелись. Возможно, сознание того, что она нашла себе пару и больше не представляет угрозы, было важнейшей составляющей моей теперешней эйфории.

Надеюсь, после этих разъяснений все стало ясно и дураку. Итак, продолжим. На чем мы остановились? Ах, я сказал Дживсу, что пребываю на седьмом небе и радуга висит у меня через плечо, но усомнился в том, что это продлится долго, и оказался прав: не успел я дважды поднести вилку ко рту, как жизнь дала мне почувствовать, что она не сладкозвучная песня, а цепь колдобин и суровых испытаний.

– Мне показалось, Дживс, – завел я досужий разговор, потягивая кофе, – или действительно сегодня утром, когда с меня спала пелена сна, я слышал стук вашей пишущей машинки?

³ Букв. «уже виденное» (*фр.*).

⁴ Истинный рыцарь (*фр.*).

– Да, сэр. Я кое-что сочинял.

– Письмо Чарли Силверсмиуту по долгу родства или, может быть, стихи в духе того чудака, который призывал срывать розы?

Чарли Силверсмитом звали его дядю, который служил дворецким в Деверил-Холле, где в свое время мы так мило гостили.

– Ни то ни другое, сэр. Я записывал недавние события в Тотли-Тауэрс для клубной книги.

Здесь – вот ведь незадача! – я снова должен попросить читателей-ветеранов отвлечься, пока я буду растолковывать, что к чему, новобранцам.

Дживс, да будет вам известно (это я уже обращаюсь к новобранцам), состоит в клубе дворецких и камердинеров, расположенном в районе Керзон-стрит, а каждый член этого клуба, согласно уставу, обязан заносить в клубную книгу самые свежие сведения о своем хозяине, чтобы желающие найти место, ознакомившись с ними, могли знать, что их ждет. Решивший наняться на работу член клуба заглядывает в клубную книгу, и если выясняется, что интересующий его джентльмен каждое утро оставляет на крыльце крошки для птиц и регулярно спасает золотоволосых детей, бросаясь под колеса автомобилей, то все в порядке, и он соглашается на работу без колебаний. Если же выясняется, что предполагаемый хозяин частенько пинает голодных собак и по утрам запускает овсянкой в прислугу, то искатель места вовремя получает предупреждение, что надо держаться от такого субъекта подальше.

Очевидно, рациональное зерно во всем этом есть, но, по-моему, такая книга – это бомба замедленного действия, и она должна быть запрещена. Дживс сказал, что одиннадцать страниц в ней посвящены мне; а как отреагирует тетя Агата, спросил я, попади книга ей в руки, ведь я у нее и так на плохом счету? Она уже высказывалась обо мне напрямик несколько лет назад, когда я был найден в спальне с двадцатью тремя кошками, – можно подумать, мне их общество было в радость! – и еще раз, когда я был обвинен – как вы понимаете, облыжно – в том, что бросил на острове посреди озера члена кабинета министров А. Б. Филмора. Какой же простор дадут ее красноречию мои злоключения в Тотли-Тауэрс! «Воображение просто пасует, Дживс», – сказал я.

На это Дживс заявил, что книга не попадет в руки тете Агате: вряд ли она заглянет в «Ганимед» – так называется клуб, – и поэтому нечего, мол, беспокоиться. Его доводы казались убедительными, и ему более или менее удалось унять мой трепет, но все-таки я не мог избавиться от чувства беспокойства, и, когда я обратился к нему, мой голос дрожал от волнения.

– Боже мой! – выпалил я, если слово «выпалил» сюда подходит. – Неужели вы действительно собираетесь записать события в Тотли?

– Да, сэр.

– И как меня подозревали в краже янтарной статуэтки у старика Бассета?

– Да, сэр.

– И что я провел ночь в тюремной камере? Нельзя ли без этого обойтись? Почему бы не предоставить мертвому прошлому погребать своих мертвецов? Почему бы не предать все это забвению?

– Это невозможно, сэр.

– Почему невозможно? Не говорите мне, что вы ничего не забываете. Ваша голова не бездонная бочка.

Я думал, что положил его на лопатки, но не тут-то было.

– Как член клуба, я не имею права оказать вам эту услугу. Пункты устава, касающиеся клубной книги, очень строги, и за неподачу сведений установлено суровое наказание. Известны прецеденты, когда провинившихся исключали.

– Понимаю, – сказал я. Я вполне сознавал, что он раздираем противоречием: вассальная приверженность побуждала его служить молодому хозяину верой и правдой, в то время как

естественное нежелание вылететь из горячо любимого клуба подталкивало его отмахнуться от хозяйских терзаний. Ситуация, как мне казалось, вынуждала искать компромисс.

– Не могли бы вы тогда как-то подретушировать свой рассказ? Выкинуть парочку наиболее смачных эпизодов?

– Боюсь, что нет, сэр. От нас требуют полного отчета. Комитет на этом настаивает.

Думаю, я погорячился, когда выразил пожелание, чтобы члены его проклятого комитета поскользнулись на банановой кожуре и свернули себе шеи, потому что, как мне показалось, по его лицу скользнула тень страдания. Но он умел уважать чужое мнение и простил мне этот выпад.

– Понимаю ваши чувства, сэр. Но поставьте себя на место членов комитета. Клубная книга – исторический документ. Она существует уже более восьмидесяти лет.

– Тогда она должна быть величиной с дом.

– Нет, сэр, она состоит из отдельных томов. Записи в последнем ведутся уже около двенадцати лет. И нужно помнить, что не всякий хозяин заслуживает того, чтобы много о нем писать.

– Заслуживает?!

– Я хотел сказать: дает к этому повод. Как правило, нескольких строк бывает достаточно. Ваши восемнадцать страниц – исключение.

– Восемнадцать? Я думал, что одиннадцать.

– Вы забываете про мой отчет о ваших злключениях в Тотли-Тауэрс, который я уже почти закончил. Предвижу, что он займет примерно семь страниц. Позвольте, сэр, я похлопаю вас по спине.

Он вызвался оказать мне эту любезность, потому что я поперхнулся глотком кофе. Хватило нескольких похлопываний, чтобы я пришел в себя и почувствовал, что разгневан не на шутку, как это бывает всякий раз, когда речь заходит о его литературной работе. Восемнадцать страниц, – как вам это! – и на каждой уйма таких фактов, которые, всплыви они наружу, отправят на дно мою репутацию. Я испытывал сильное желание отдубасить тех, кто все это выдумал, и в моем голосе зазвучал благородный гнев.

– Ужасно. Просто ужасно. Знаете, чему ваш проклятый комитет способствует? Шантажу, вот чему. Представьте, что книга попала в руки недостойного человека. Чем это может кончиться? Полным крахом репутации, Дживс.

Выпрямился он в этот момент или нет, я не знаю: я зажигал сигарету и не видел, – но он заговорил ледяным тоном, каким говорят, когда вытянутся во весь рост:

– Среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей.

Я запротестовал:

– Это вы так думаете. А как же Бринкли? – спросил я. – Он ведь член клуба?

Этот Бринкли поступил ко мне на службу несколько лет назад по рекомендации агентства, когда наши пути с Дживсом ненадолго разошлись из-за того, что он не одобрял моего увлечения игрой на банджолайке.

– Провинциальный член, сэр. Он редко появляется в клубе. Кстати, сэр, его фамилия не Бринкли, а Бингли.

Я раздраженно отмахнулся мундштуком. Бринкли он или Бингли – погоды не делало.

– Как его зовут, не суть важно, Дживс. А важно, что, отлучившись из дома в свое свободное время, он вернулся в состоянии сильного опьянения, поджег дом и пытался нашинковать меня, как кочан капусты.

– Очень неприятный инцидент, сэр.

– Услыхав шум, я спустился из своей комнаты и стал свидетелем его рукопашной схватки с напольными часами, которые, видно, чем-то ему не угодили. Потом он опрокинул лампу и бросился на меня по лестнице с саблей наголо. Только чудом я остался ныне здравствующим

Бертрамом Вустером, воистину только чудом. А вы говорите, что среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей. Ха! – сказал я. Я редко пользуюсь этим междометием, но сейчас не удержался.

Обстановка накалялась. Закипала обида, рвалось наружу недовольство. К счастью, в этот момент заверещал телефон и отвлек мое внимание. Дживс подошел к телефону.

– Миссис Траверс, сэр, – доложил он.

Глава 2

Я и сам уже догадался, что на проводе моя добрая почтенная тетушка Далия, имеющая привычку говорить по телефону с таким легочным напором, словно она американский свинопас, скликающий своих подопечных к кормушке на просторах Дикого Запада. Она обрела громкость еще в юности, когда часто ездила на псовую охоту. Представьте себе, что гончие то норовят попасть под копыта лошадей, то отвлекаются на погоню за кроликами, и вы поймете, что девушка на охоте быстро становится голосистой. Думаю, что когда тетя в голосе, ее слышно в соседних графствах.

Я с радостью подошел к телефону. Мало с кем из друзей и близких мне так приятно общаться, как с этой добродушной сестрой моего покойного отца, и к тому же мы давно не виделись. Она почти безвыездно живет в своем имении в окрестностях Маркет-Снодсбери, графство Вустершир, а я, о чем говорят и записи, только что сделанные Дживсом в клубной книге, в последнее время не приезжал в те края за недосугом. Я поднял трубку, весело улыбаясь. От моей улыбки, конечно, не было проку – тетка все равно не могла ее видеть, – но ведь важен настрой, в конце концов.

– Привет, пожилая родственница.

– Привет, юное недоразумение. Ты не пьян?

Подозрение, что я могу быть под мухой в десять часов утра, естественно, уязвило мое самолюбие, но я в который раз сказал себе, что такой уж они народ, эти тетушки. Дайте мне тетушку, всегда говорю я, и я вам покажу пожилую даму, которую нимало не заботит, как глубоко ее *obiter dicta*⁵ могут оскорбить племянника. С подчеркнутой холодностью я успокоил ее относительно волновавшего ее вопроса и спросил, чем могу быть полезен.

– Пообедаете у меня?

– Я не в Лондоне. Я звоню из дому. Ты можешь, как ты выражаешься, быть полезен своим приездом ко мне. Сегодня, если у тебя получится.

– До чего приятно это слышать, старая прародительница. Ваше приглашение меня очень обрадовало, – сказал я, всегда готовый воспользоваться ее гостеприимством и вновь переведаться с бесподобными съедобностями, которые стряпает ее замечательный французский повар Анатолий, благодетель пищеварительных трактов. Я всегда жалею, что у меня нет запасного желудка, чтобы поручить и его заботам Анатолия. – Сколько я буду у вас гостить?

– Сколько пожелаешь, беспечный ты мой. Я дам тебе знать, когда пора будет выметаться. Главное – чтобы ты приехал.

Конечно, я был, как и всякий бы на моем месте, тронут той настойчивостью, с которой она добивалась моего визита. А то в кругу моих знакомых слишком многие, приглашая меня в гости, специально подчеркивают, что ждут меня только на выходные, и обязательно говорят, что самый удобный обратный поезд отходит в понедельник утром. Я улыбнулся еще шире.

– Очень мило, что вы меня пригласили, ближайшая родственница.

– Ну, разумеется, мило.

– Предвкушаю радость свидания с вами.

– Еще бы.

– Каждая минута до нашей встречи будет казаться мне часом. Как дела у Анатолия?

– Ты только о нем и думаешь, прозорливый поросенок.

– Что делать? Вкусовые ощущения устойчивы. Как поживает его искусство?

– Оно в расцвете.

– Прекрасно.

⁵ Мимолетные замечания (*лат.*).

– Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением.

Я попросил ее повторить. Мне послышалось, будто она сказала: «Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением», – хотя я знал, что она не могла так сказать. Но оказывается, все-таки сказала.

– Медяк? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Гарольд Уиншип. Он просил называть его Медяком. Он живет сейчас у меня. Говорит, что он твой приятель, в чем он, конечно, никогда не признался бы, если бы не существовали веские улики. Вы ведь знакомы? По его словам, вы вместе учились в Оксфорде.

Я издал возглас радости, а она сказала, чтобы я не смел больше так орать, иначе она взыщет с меня компенсацию за свои лопнувшие барабанные перепонки. В общем, как говорит старинная поговорка, горшок стал чайнику за копоть пенячь: мои-то барабанные перепонки были на пределе с самого начала переговоров.

– Знакомы? – повторил я. – Знакомы – не то слово. Мы были просто как... Дживс!

– Да, сэр?

– Как звали ту парочку?

– Простите, сэр?

– В Древней Греции, если не ошибаюсь. Ее часто поминают, когда заходит речь о закадычной дружбе.

– Вы имеете в виду Дамона и Пифию, сэр?

– Точно. Мы были просто как Дамон и Пифий, старая прародительница. Но что он делает в ваших пенатах? Я не знал, что вы с ним знакомы.

– Мы и не были знакомы. Но его мать – моя старая школьная подруга.

– Понимаю.

– И когда я узнала, что он баллотируется в парламент на внеочередных выборах в Маркет-Снодсбери, я написала ему, что он может расположиться у меня. Это гораздо лучше, чем прозябать в гостинице.

– В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания?

– Вовсю.

– И Медяк один из кандидатов?

– Он выдвинут от консерваторов. Ты, кажется, удивлен.

– Еще как. Можно даже сказать, потрясен. Я и не подозревал, что у него есть общественная жилка. Как его успехи?

– Пока трудно сказать. В любом случае ему необходима всесторонняя помощь, поэтому я хочу, чтобы ты приехал и поагитировал за него.

Я в раздумье пожевал нижнюю губу. В такую минуту следует проявлять осмотрительность, а то еще мало ли что.

– Что от меня потребуется? – осторожно поинтересовался я. – Мне не придется целовать младенцев?

– Конечно, нет, тупица ты беспросветный.

– Я слышал, что предвыборные кампании в основном состоят из целования младенцев.

– Да, но целовать их должен бедняга кандидат. Ты будешь ходить по домам и агитировать жителей за Медяка, больше от тебя ничего не потребуется.

– Тогда можете на меня положиться. С этой задачей я справлюсь. Старина Медяк! – сказал я, растрогавшись. – Встреча с ним согреет мне душу, ну, и все такое.

– Душу и все такое ты сможешь согреть уже сегодня. Он на день приезжает в Лондон и хочет с тобой пообедать.

– Ух ты! Прекрасно. В котором часу?

– В полвторого.

– Где?

- В гриль-баре «Баррибо».
- Я буду там. Дживс, – сказал я, повесив трубку, – помните Медяка Уиншипа, который был для меня когда-то тем же, чем Дамон был для Пифия?
- Да, сэр, конечно.
- В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания, и он кандидат от консерваторов.
- Та к я и понял из слов вашей тети, сэр.
- Вы что, слышали, что она говорила?
- Почти беспрепятственно, сэр. У мадам довольно пронзительный голос.
- Это уж точно, пронзает, – сказал я, потирая ухо. – Не легкие, а прямо кузнечные мехи.
- Исключительная сила звука, сэр.
- Неужели тетя пела мне колыбельные, когда я был крошкой? Наверно, нет, иначе я с перепугу решил бы, что взорвался отопительный котел, и вырос зайкой. Но все это несущественно, главное – что мы сегодня отбываем к ее шалашу. Я пообедаю с Медяком. В мое отсутствие упакуйте, пожалуйста, всякие там носки-галстуки.
- Слушаюсь, сэр, – ответил он, и мы больше не возвращались к разговору о клубной книге.

Глава 3

Через несколько часов я отправился на свидание, испытывая неподдельную радость. Медяк – мой старинный приятель, может быть, не такой старый, как Копченая Селедка или как Китекэт Поттер-Перебрайт, с которыми я «топтал траву родных полей»⁶ в приготовительной школе, пансионе и университете, но, безусловно, очень давнишний. Мы занимали в оксфордском общежитии соседние комнаты, и не будет преувеличением сказать, что с той минуты, как он заглянул ко мне за сифоном для газировки, мы с ним стали как родные братья и оставались столь же близки после того, как покинули этот центр науки.

Долгое время он был видным членом «Клуба шалопаев», приобретшим широкую известность благодаря своей неумности и заводному темпераменту, но внезапно он отстранился от дел и переселился в деревню – как ни странно, в Стипл-Бампли, графство Эссекс, где находится обиталище моей тети Агаты. Говорят, виной тому была его помолвка с некоей своевольной девицей, которая отрицательно относилась к его членству в клубе. Подобные девицы встречаются всюду и везде, и, по-моему, лучше держаться от них подальше.

Естественно, эти обстоятельства нас разлучили. Он не приезжал в Лондон, а я, конечно, ни разу не наведалься в Стипл-Бампли. В места, где можно повстречать тетю Агату, я не ездук. Лезть в петлю, ей-богу, смысла не вижу. Но Медяка мне очень не хватало. Как говорится, «о, если бы коснуться исчезнувшей руки»⁷.

Войдя в «Баррибо», я встретил его в холле, где до обеда пропускают стаканчик, чтобы потом пройти в гриль-бар, и после приветствий вроде «Кого я вижу!» и «Сколько лет, сколько зим» – неизбежных, когда две исчезнувшие руки, которые были разлучены много лет, вновь ощупывают друг друга, – он спросил меня, не хочу ли я прогреть горло.

– Я тебе компанию не составлю, – сказал он. – Не то чтобы я заделался трезвенником – немного легкого вина за ужином выпить могу, – но моя невеста хочет, чтобы я отказался от коктейлей. Говорит, от них сосуды теряют эластичность.

Если вы собираетесь спросить, не поморщился ли я в тот момент, то спешу заверить вас, что поморщился. Его слова косвенно свидетельствовали о том, что, уехав, он оказался под каблуком у красотки с дурным характером и что она и вправду своевольная девица. В противном случае она бы не стала так бесцеремонно отталкивать чашу от его уст. Она явно сумела сделать так, что ему даже нравилось такое обращение: в его словах звучала не мрачная злоба человека, раздавленного железной пятой, а собачья преданность. По-видимому, он смирился и не возражал, чтобы им помыкали.

Я-то, подумалось мне, совершенно иначе вел себя в бытность женихом Флоренс Крэй, властолюбивой дочки моего дяди Перси. Наша помолвка быстро превратилась в размолвку; Флоренс переиграла и обручилась с типом по фамилии Горриндж, который писал верлибры. Однако пока я был ее женихом, я чувствовал себя одной из тех чернокожих рабынь, над которыми измывалась Клеопатра, и меня это, мягко говоря, раздражало. Медяк же, судя по всему, и не думал раздражаться. Когда человек чем-то раздражен, это сразу видно, а тут я ничего такого не заметил. Похоже, он считал монарший запрет на коктейли лишним доказательством того, что она ангел милосердия, неустанно радеющий о его благе.

Вустеры предпочитают не пить в одиночестве, особенно если кто-то рядом наблюдает, не теряют ли эластичность их сосуды, поэтому я отказался от возлияния (с неохотой, поскольку страдал от жажды) и с ходу перешел к главному вопросу повестки дня. По дороге в «Бар-

⁶ Роберт Бернс. Старая дружба.

⁷ Альфред Теннисон. У моря.

рибо», как вы догадываетесь, я углубился в размышления о баллотировке Медяка в парламент и теперь хотел знать, что за этим начинанием кроется. Оно казалось мне нелепым.

– Тетя Даля говорит, ты поселился у нее на время предвыборной кампании, чтобы легче было добираться до Маркет-Снодсбери и умащивать там избирателей.

– Да, она любезно пригласила меня к себе. Они с моей мамой вместе учились в школе.

– Да, она мне говорила. Интересно, была ли она в то время такая же краснощекая, как теперь? Ну, и как тебе нравится в гостях?

– Там просто чудесно.

– Все по высшему разряду. Песчаная почва, центральное водоснабжение и канализация, большой парк. И конечно, стряпня Анатоля.

– О! – воскликнул Медяк, и я думаю, он почтительно снял бы шляпу, если бы только она была у него на голове. – Очень одаренный человек.

– Повар божьей милостью, – согласился я. – Его обеды должны придать тебе сил для предвыборной борьбы. Как идет кампания?

– Успешно.

– Ты уже целовал младенцев?

– О! – вновь воскликнул он уже с дрожью в голосе. Я почувствовал, что задел его большое место. – Знал бы ты, Берти, как эти субчики-младенцы пускают слюни. Но отступать нельзя. Мой помощник говорит, чтобы я ни перед чем не останавливался, если хочу победить на выборах.

– А зачем тебе эта победа? Я-то думал, ты к парламенту и на пушечный выстрел не подойдешь, – сказал я, поскольку знал, что общество там не такое уж избранное. – Что толкнуло тебя на этот опрометчивый шаг?

– Моя невеста захотела, чтобы я баллотировался, – ответил он, и когда он произнес слово «невеста», его голос переливчато задрожал, как у воркующего со своей горлицей голубка. – Она решила, что я должен делать карьеру.

– Ты-то сам этого хочешь?

– Не особенно, но она очень настаивает.

Сердечное сжатие, возникшее у меня, когда я узнал, что эта шучка заставила его покончить с коктейлями, теперь усилилось. Мне, как человеку бывалому, чем дальше, тем яснее становилось, что на этой горячей любви он рискует сильно обжечься, и я даже чуть было не посоветовал Медяку просто телеграфировать ей: «Между нами все кончено», – собрать чемодан и сесть на первый пароход, идущий в Австралию. Но, предчувствуя, что такой совет может его обидеть, я ограничился тем, что спросил, из чего состоит процедура выдвижения, или, выражаясь по-американски, «проталкивания» кандидата. Не то чтобы этот вопрос меня особенно занимал, просто хотелось поговорить о чем-то постороннем, не имеющем касательства к его ужасной невесте.

Тень набежала на его лицо, которое, как я забыл сказать, было достойно лицезрения (ясный взор, загорелые щеки, волевой подбородок, медные волосы, прямой нос). Кроме того, оно венчало собой тело, радовавшее глаз мускулистостью и стройностью. Можно сказать, что обликом он напоминал Эсмонда Хаддока, хозяина Деверил-Холла, который ежемесячно вручал конверт с жалованьем дяде Дживса – Чарли Силвер-смиту. С виду такой же лирик, готовый в любую минуту зарифмовать «луну» с «весной», он тем не менее, как и Эсмонд, производил впечатление силача, способного, если потребуется, свалить одним ударом быка. Не знаю, представлялась ли ему такая возможность, ведь быка не так часто можно встретить. Однако людей в студенческие годы он валил без разбора, три года выступая на ринге в тяжелом весе за команду университета. Возможно, среди его жертв попадались и быки.

– Это было похоже на страшный сон, – сказал он, по-прежнему пасмурный из-за воспоминаний о пережитом. – Народу в комнате набилось столько, что не продохнуть, – душегубка

да и только, и я должен был сидеть и выслушивать приветствия до полуночи. Потом я стал выступать повсюду с речами.

– Так почему же ты сейчас не в своем округе, не выступаешь с речами? Тебе дали выходной?

– Я приехал нанять секретаршу.

– Неужели у тебя до сих пор не было секретарши?

– Была, конечно, но моя невеста ее уволила. Они не сошлись характерами.

Помнится, я поморщился, узнав, что его невеста ввела запрет на коктейли, но теперь я скроил еще более кислую мину. Чем больше я слышал о его нареченной, тем меньше она внушала мне симпатий. Вот кто легко нашел бы общий язык с Флоренс Крэй, повстречай они друг друга. Ну прямо родственные души, или «несносные третирищицы», как назвала бы их одна моя знакомая горничная.

Я, разумеется, не сказал этого вслух. Всему свое время: время назвать кого-то «несносной третирищей» и время промолчать. Стоит нелестно высказаться о невесте, и уже, как говорится, погладил против шерстки жениха, а кто рискнет погладить против шерстки бывшего боксера-тяжеловеса?

– У тебя есть кто-нибудь на примете? – спросил я. – Или ты отправишься на ярмарку секретарш и будешь смотреть, что есть в наличии?

– Я имею виды на одну американку, с которой свел знакомство до отъезда из Лондона. Мы на двоих снимали квартиру с Литтлуортом по прозвищу Носач, который тогда писал роман, и она каждый день приходила ему помогать. Носач свои сочинения диктует, и он говорил, что она классная стенографистка и машинистка. У меня есть ее адрес, но, возможно, она уже там не живет. Съезжу после обеда проверю. Ее зовут Магнолия Гленденнон.

– Не может быть.

– Почему?

– Что за имя такое Магнолия!

– Нормальное имя для Южной Каролины, откуда она родом. В Америке в южных штатах этих Магнолий как собак нерезаных. Но я не кончил рассказывать про избрание в парламент. Прежде всего, конечно, твою кандидатуру должны выдвинуть.

– Как ты этого добился?

– Все устроила моя невеста. Она знакома с одним министром, и он пустил в ход свои связи. Его фамилия Филмер.

– А. Б. Филмер?

– Точно. Он твой приятель?

– Я бы так не сказал. Наше мимолетное знакомство произошло на крыше летнего домика, куда нас загнал один желчный лебедь. Опасность сблизила нас ненадолго, но закадычными друзьями мы не стали.

– Где это случилось?

– На острове посреди озера в имении моей тети Агаты в Стипл-Бампли. Ты ведь живешь в Стипл-Бампли и, наверно, бывал у нее.

Тут его посетила ошеломляющая догадка, как тех солдат, которые, по словам Дживса, переглядывались на какой-то Дарьенской вершине⁸.

– Леди Уорпледдон твоя тетя?

– Самая что ни на есть.

– Она никогда об этом не говорила.

– И не скажет. Скорее она постарается это скрыть.

⁸ Аллюзия на сонет Дж. Китса «Впервые прочитав Гомера в переводе Чапмена», в котором говорится о том, как завоеватель Мексики Кортес и его солдаты впервые увидели Тихий океан.

- Боже, значит, она твоя двоюродная сестра.
- Тетя! Нельзя быть тем и другим сразу.
- Я говорю про Флоренс. Флоренс Крэй, мою невесту.

Не скрою, новость потрясла меня, и если бы я не сидел, то, наверно бы, пошатнулся. Хотя чему тут удивляться. Флоренс принадлежит к тому сорту девиц, которые всегда найдут, с кем обручиться: сперва она вверила себя Стилтону Чезрайту, потом мне и, наконец, Перси Горринджу, автору инсценировки ее романа «Морские брызги». Пьеса, кстати, недавно была показана публике в Театре герцога Йоркского, но провалилась и была снята с репертуара в первую же субботу. Один критик заявил, что этот спектакль лучше смотреться при опущенном занавесе. Интересно, как Флоренс при ее самомнении перенесла все это?

– Ты обручился с Флоренс? – воскликнул я, все еще ошеломленный посетившей меня догадкой.

- Да. Ты не знал?
- Никто мне ничего не рассказывает. Значит, обручился с Флоренс. Ну-ну.

Менее деликатный человек, чем Бертрам Вустер, возможно, прибавил бы: «Попал ты в переplet» – или что-нибудь из той же оперы, поскольку не приходилось сомневаться, что дело этого несчастного плохо, но уж чего-чего, а деликатности Вустерам не занимать. Я только схватил его руку, потряс ее и пожелал ему счастья. Он поблагодарил меня.

- Тебе можно позавидовать, – сказал я лицемерно.
- Я сам себе завидую.
- Она очаровательная девушка, – продолжал я лицемерить.
- Вот именно.
- Умна к тому же.
- На редкость. Романы пишет.
- Один за другим.
- Ты читал «Морские брызги»?
- Просто из рук не выпускал, – соврал я: на самом деле я и не брал его в руки. – Ты видел пьесу?
- Дважды. Жаль, что она не пошла. Инсценировка Горринджа – детище глупца.
- Да, и непроходимого: я как первый раз его увидел, так сразу и раскусил.
- Жалко, что Флоренс не раскусила.
- Да. Кстати, какова судьба Горринджа? Когда я слышал о нем в последний раз, он был еще женихом Флоренс.
- Она разорвала помолвку.
- И очень мудро поступила. У него были длинные бакенбарды.
- Она считала его виновным в провале пьесы и прямо так ему и сказала.
- Да уж, она не из тех, кто смолчит.
- Что ты имеешь в виду?
- Что искренность, честность и прямоту у нее в крови.
- Да, это правда.
- Она открыто высказывает свое мнение.
- Всегда.
- Прекрасное свойство.
- В высшей степени.
- Такая девушка, как Флоренс, никому спуску не даст.
- Точно.

Воцарилось молчание. Он сплетал и расплетал пальцы, и я чувствовал по каким-то признакам в его поведении, что он хотел бы что-то сказать, но не может решиться. Помню, такую же робость выказывал его преподобие Пинкер (он же Свинкер), когда собирался с духом, чтобы

пригласить меня в Тотли-Тауэрс; или взять собак – они кладут вам лапу на колено и заглядывают в лицо, тихо, без всякого твяканья, но давая понять, что есть тема, на которую у них язык чешется высказаться.

– Берти, – произнес он наконец.

– Ау.

– Берти.

– Да.

– Берти.

– Да здесь я. Прости, но не в родстве ли ты с какой-нибудь испорченной граммофонной пластинкой? Может быть, ею была напугана твоя мать?

И тут слова полились потоком, как будто кто-то вынул затычку.

– Берти, я должен сказать тебе кое-что о Флоренс, хотя ты ее двоюродный брат и, наверно, все это и без меня прекрасно знаешь. Она чудесная девушка и, в общем, безупречная во всех отношениях, но у нее есть одна черта, довольно неудобная для тех, кто ее любит и помолвлен с ней. Не подумай, что я ее осуждаю.

– Что ты, что ты.

– Я говорю об этом так, между прочим.

– Конечно.

– Так вот, она не прощает поражений. Чтобы она не разочаровалась в тебе, ты должен выйти победителем. Она ведет себя как сказочные принцессы, которые заставляли добрых молодцев исполнять желания: то заберись им на хрустальную гору, то добудь волосок из бороды татарского хана, а не справился – катись колбаской.

Я припомнил, что это за принцессы, о которых говорил Медяк: я всегда считал их дурехами. Почему, собственно, умение жениха забираться на хрустальные горы – залог счастливого брака? Вряд ли это умение будет требоваться чаще чем раз в десять лет.

– Горриндж, – продолжал Медяк, – потерпел неудачу, и она стала для него роковой. Мне рассказывали, что когда-то Флоренс была помолвлена с жокеем-аристократом и забракела его, потому что он упал с лошади, беря препятствие на скачках «Гранд нэшнл». Она очень требовательна к людям. Разумеется, я восхищаюсь этим.

– Ну, разумеется.

– Такая девушка имеет право высоко держать планку.

– Несомненно.

– Но как я уже сказал, ее требовательность ставит меня в затруднительное положение. Бог знает, почему она вбила себе в голову, что я должен победить на этих выборах в Маркет-Снодсбери (мне-то всегда казалось, что она равнодушна к политике), так что если я проиграю, то прости-прощай наша любовь. Поэтому...

– Настал момент, когда все люди доброй воли должны прийти на помощь партии?

– Вот именно. Ты будешь за меня агитировать. Так агитируй и в хвост и в гриву и позаботься, чтобы Дживс от тебя не отставал. Я просто обязан победить.

– Можешь на нас положиться.

– Спасибо, Берти, я всегда знал, что ты настоящий друг. А сейчас пойдем пообедаем.

Глава 4

Обогадив клеточный материал отличным обедом, который всегда подают в отеле «Бар-рибо», и условившись, что Медяк заедет за мной ближе к вечеру (мой собственный спортивный автомобиль слег с нервным расстройством), мы двинулись в разные стороны: он – на поиски Магнолии Гленденнон, а я – обратно в фамильную цитадель.

Понятно, что я шел по лондонским улицам в глубоком раздумье. На днях я читал приключенческий роман, где про героиню было сказано, что от удара в глаз у нее мысли разбежались в разные стороны, и я подумал, что мы с ней два сапога пара.

На душе у меня было муторно. Тяжело узнать, что твой старинный приятель, и притом закадычный, стал женихом Флоренс Крэй. Я вспомнил, что ощущал я сам, оказавшись в этой неприятной роли. Я тогда чувствовал себя замурованным в подземелье узником «Тайной девятки».

Хотя скажу справедливости ради, что ее обличье было просто загляденье. В кладовой моей памяти сохранилась картина, относящаяся ко времени жениховства Стилтона Чезрайта: высокая пепельная блондинка с гибкой фигурой и потрясающим профилем. Девушка с такими внешними данными вполне могла стать украшением гарема одного из султанов, что посolidнее. Я хоть и давно ее не видел, но предполагал, что все эти достоинства по-прежнему при ней. Недаром Медяк, говоря о своей возлюбленной, с такой легкостью перевоплотился в воркующего голубка!

Но смазливая внешность – еще не все. Взвешивая все «за» и «против», надо учитывать, что Флоренс командирша по природе и видит своего суженого таким расторопным мальчиком на побегушках. С самого детства она была... как это... начинается с «д»... нет, вылетело слово... но сейчас вы поймете, что я хочу сказать. Еще в школе я выиграл конкурс на лучшее знание библейских текстов, для чего мне, естественно, потребовалось как следует изучить Священное Писание, и во время своих занятий я как-то наткнулся на рассказ про военного, который говорил одному: «пойди», и тот шел; и другому: «приди», и тот приходил⁹. Ну, в точности как Флоренс. Уж она бы задала жару тому, кто осмелился бы прийти, когда она сказала «пойди» или наоборот. Деспотичная – вот слово, которое я пытался вспомнить. Она была деспотичной, как уличный регулировщик. Неудивительно, что на душе у меня было муторно. Я считал, что Медяк сорвал в саду любви лимон, по ошибке приняв его за персик.

Но потом мои мысли приняли менее мрачное направление. Такое частенько случается после хорошего обеда, даже если за ним вы не выпили ни капли. Я напомнил себе, что многим мужьям даже нравится, когда жены заставляют их крутиться, и, возможно, Медяк был как раз из таких. Не исключено, что он придерживался той точки зрения, что, если жена учит тебя сидеть смирно, служить и по команде брать кусочки сахара, положенные тебе на нос, этому надо радоваться, ведь, значит, она проявляет к тебе интерес.

Приободрившись, я потянулся за портсигаром, но не успел я открыть его, как уже – растапа этакий! – выронил на мостовую. Я сошел с тротуара, чтобы поднять его, но тут за моей спиной раздался автомобильный гудок, и, начав делать пируэт, я увидел, что через какие-нибудь две секунды борт мне протаранит мчащееся такси.

Сложность пируэта – говорю это для непосвященных – состоит в том, что, если вы не танцовщик, у вас могут заплестись ноги; как раз это со мной и произошло. Мой левый ботинок зацепился за правую лодыжку, я потерял равновесие, покачнулся и через долю секунды повалился, словно какое-нибудь величественное дерево под топором дровосека; я сидел на мосто-

⁹ Евангелие от Матфея, 8:9.

вой с разбежавшимися мыслями в голове, и тут чья-то незримая рука вцепилась в мой локоть и вытащила меня на безопасный берег. Такси проехало и свернуло за угол.

Разумеется, первое, что делает в таких случаях человек, наделенный тонкими чувствами, – это благодарит своего храброго спасителя. Я повернулся, чтобы так поступить, и увидел, что мой храбрый спаситель – вот так сюрприз! – не кто иной, как Дживс. Свалился как снег на голову. Я понятия не имел, что он тут делает, и в первый момент даже подумал, что это не он, а его астральное тело.

– Дживс! – выпалил я. Я почти уверен, что это слово сюда подходит. В общем, пусть будет так: выпалил.

– Добрый день, сэр. Надеюсь, вы не пострадали. Вы были на волосок от гибели.

– Вот именно. Не скажу, что целая жизнь промелькнула в этот миг перед моим мысленным взором, но уж добрая ее половина точно. Но вы...

– Не стоит благодарности, сэр.

– Если бы не вы, завтра мое имя фигурировало бы в колонке некрологов.

– Рад был помочь, сэр.

– Удивительное дело, вы – как американская морская пехота: всегда словно из-под земли вырастаете в критический момент. Помню, как вы появились в тот раз, когда А. Б. Филмер и я выясняли отношения с лебедем, и подобным случаям несть числа. Когда буду в следующий раз молиться, обязательно распишу в красках ваши благодеяния. Но что вас занесло в эти края? Кстати, где мы находимся?

– На Керзон-стрит, сэр.

– Да, конечно. Я бы сам сообразил, если бы не погрузился в размышления.

– Вы были погружены в размышления, сэр?

– С головой. Я расскажу об этом после. Кажется, здесь неподалеку находится ваш клуб?

– Да, сэр, за углом. В ваше отсутствие я упаковал вещи и решил пойти туда пообедать.

– На мое счастье. Если бы вы не пошли в клуб, я был бы сейчас... Как там в вашей прибаутке? Где про колесо.

– «Всего лишь пыль под колесом твоей повозки»¹⁰, сэр.

– Или, скорее, повозки таксиста. Почему вы так испытующе на меня смотрите, Дживс?

– Мне кажется, что после этого неприятного происшествия у вас несколько взъерошенный вид, сэр. Если вы позволите, я бы предложил вам сейчас направиться вместе со мной в клуб «Ганимед».

– Понял. Вы меня там умоете и почистите.

– Именно так, сэр.

– И может быть, дадите виски с содовой?

– Разумеется, сэр.

– Мне это будет очень кстати. Медяк без пяти минут трезвенник, так что коктейлей мы до обеда не пили. И знаете, почему он не пьет? Потому что девица, с которой он помолвлен, неразумно толкает его к воздержанию от спиртного. И знаете, кто эта девица? Моя двоюродная сестра Флоренс Крэй.

– В самом деле, сэр?

Разумеется, я не рассчитывал, что он выпучит глаза и запрыгает по тротуару: он сдержанно реагировал на любую новость, какой бы сногшибательной она ни была; но я понял по тому, как изогнулась и поднялась на три миллиметра его бровь, что мое сообщение его заинтересовало. И его реплика «В самом деле, сэр?» несла, что называется, большую смысловую нагрузку. Он подразумевал под этим, что такой поворот событий мне на руку, потому что как только бывшая невеста заключает новую помолвку, она перестает представлять потенциальную

¹⁰ Лоренс Хоуп. Всего лишь пыль.

угрозу для бывшего жениха, и можно больше не опасаться, что она вдруг передумает. Я разгадал подтекст и полностью согласился с Дживсом, хотя, естественно, не заявил об этом вслух.

Дело в том, что Дживс всегда помогает мне выпутываться из недоразумений с прекрасным полом, и он знает всю подноготную про разнообразных женщин, которым время от времени едва не удается затащить меня под венец: но, разумеется, мы с ним не обсуждаем их. Обсуждать женщину, на наш взгляд, значит трепать ее имя, а трепать имя женщины не в правилах Вустеров. И Дживсов тоже. Не поручусь за Чарли Силверсмита, но думаю, что и он не нарушает в этом отношении моральный кодекс. Подобные неписанные правила впитываются с молоком матери.

Словом, я просто сообщил Дживсу, что Флоренс заставила Медяка баллотироваться в парламент и что мы будем агитировать за него избирателей, и попросил его не жалеть сил, чтобы сформировать у них надлежащее мнение. После того как он ответил: «Да, сэр», «Слушаюсь, сэр» и «Понимаю, сэр», – мы проследовали в клуб «Ганимед».

В клубе было как нельзя уютней. Неудивительно, что Дживс предпочитает проводить здесь большую часть свободного времени. По сравнению с «Клубом шалопаев» этот клуб, конечно, был пресноват. Я справедливо предполагал, что не увижу здесь в обеденное время ни разбросанного хлеба, ни рассыпанного сахара: это никак не вязалось бы с тем, что здешняя публика – пожилые дворецкие и камердинеры в годах, однако в отношении комфорта пожаловаться было не на что. Грохнувшись на мостовую, я ушиб мягкие места, и я почувствовал себя лучше только после того, как, умытый и почищенный, снова в полном параде погрузился в глубокое кресло в курительной комнате.

Потягивая виски с содовой, я вернулся к разговору о баллотировке Медяка, которая, естественно, была темой дня.

– Думаете, он имеет шансы, Дживс?

Он ответил не с кондачка, а все взвесив, как будто решался на вложение денег.

– Трудно сказать, сэр. Маркет-Снодсбери, как и многие другие провинциальные городки Англии, можно назвать чопорным. Там придают большое значение респектабельности.

– Медяк достаточно респектабелен.

– Вы правы, сэр, но вам же известно: он человек с прошлым.

– Так, мелкие грешки.

– Однако узнай о них избиратели – и он лишится их поддержки.

– Но ведь узнать им неоткуда. Правда, он есть в клубной книге...

– Одиннадцать страниц, сэр.

– Но вы уверяете, что ее содержание никогда не будет разглашено.

– Никогда, сэр. На этот счет мистер Уиншип может быть совершенно спокоен.

От слов Дживса я вздохнул свободнее.

– Дживс, – сказал я, – от ваших слов я вздохнул свободнее. Вы же знаете, я всегда тревожусь из-за клубной книги. Ее ведь хранят под замком?

– В общем, нет, сэр, но она надежно пристроена в кабинете секретаря.

– Тогда не о чем беспокоиться.

– Я бы так не сказал, сэр. У мистера Уиншипа, наверно, были товарищи по проделкам, и они могут по неосторожности поделиться с кем-нибудь воспоминаниями, которые попадут в светскую хронику крупных газет и оттуда – в газеты Маркет-Снодсбери. По-моему, их всего две, и одна из них – непримиримый противник консерваторов, которых представляет мистер Уиншип. Такое может произойти, и последствия будут катастрофическими. В данный момент я не имею возможности узнать, кто именно соперник мистера Уиншипа, но я уверен, что он – образец респектабельности и что его прошлое можно без ущерба для него подвергнуть самому дотошному расследованию.

– Что за мрачность, Дживс? Почему вы не рвете розы? Поэт Геррик осудил бы вас.

– Простите, сэр. Я не знал, что вы принимаете судьбу мистера Уиншипа так близко к сердцу, иначе я был бы более осторожен в высказываниях. Для него очень важно победить на выборах?

– Жизненно необходимо. Флоренс укажет ему на дверь, если он проиграет.

– Вы шутите, сэр?

– Он сам так говорит, и думаю, он прав. Его доводы весьма убедительны. Он говорит – она очень требовательна к людям и не прощает поражений. Доподлинно известно, что она дала отставку Перси Горринджу из-за того, что пьеса, которую он написал по ее роману, выдержала только три представления.

– В самом деле, сэр?

– Проверенный факт.

– В таком случае будем надеяться, что мои опасения не оправдаются, сэр.

В то время, когда мы тешили себя надеждой на то, что его опасения не оправдаются, на мой стакан с виски упала тень, и я увидел, что около нас стоит еще один член клуба – человек из разряда «спасайся кто может», с брюшком, одетый скорее по-загородному, чем по-городскому, в галстуке, говорящем о его принадлежности к Сторожевой бригаде, хотя вряд ли это могло быть так. В отношении его манер мне в тот момент не пришло на ум более точного эпитета, чем «фамильярные», но, заглянув потом в словарь синонимов из библиотеки Дживса, я обнаружил, что они были «панибратскими, развязными, нахальными, несдержанными, непочтительными, хамскими, бесцеремонными и назойливыми». Если я скажу вам, что первым делом он ткнул Дживса под ребра корявым указательным пальцем, вы поймете, что я имею в виду.

– Привет, Реджи, – сказал он, и я замер в кресле, потрясенный открытием, что Дживса зовут Реджинальдом. Мне раньше и в голову не приходило, что у Дживса есть имя. Хорошо еще, что не Берти, а то какая возникла бы путаница.

– Добрый день, – ответил Дживс, и мне стало ясно, что этот господин не входит в круг его ближайших друзей. В голосе Дживса сквозила холодность, которой мог пренебречь разве что такой несдержанный и непочтительный человек, как его знакомец.

Тип «спасайся кто может», казалось, не заметил, что ему не рады. Он продолжал вести себя так, как будто встретил старинного приятеля.

– Как делишки, Реджи?

– Спасибо, пребываю в добром здравии.

– Ты что, похудел? Тебе нужно жить в деревне, как я, и питаться настоящим деревенским маслом. А вам, голубок, – обратился он ко мне, – нужно быть поосторожней с танцами на проезжей части. Я ехал в том такси и подумал, что вам крышка. Вы Вустер?

– Да, – изумленно ответил я. Я и не знал, что стал знаменитостью.

– Я так и думал. У меня хорошая память на лица. Ладно, заболтался я с вами. Мне нужно зайти к секретарю по одному делу. Рад был увидеться, Реджи.

– До свидания.

– Вустер, старина, рад был увидеться.

Я попрощался с ним, и он нас покинул. Я обратился к Дживсу; ошеломляющая догадка, о которой я говорил раньше, неслась на всех парусах.

– Кто это был?

Он ответил не сразу: очевидно, он был так шокирован, что не мог вести беседу. Только после глотка ликера к нему вернулось самообладание. Когда он все-таки заговорил, по его тону было понятно, что он вообще предпочел бы не высказываться на эту тему.

– Тот человек, о котором вы упомянули за завтраком, сэр, Бингли. – Он произнес это имя так, как будто оно оскверняло его рот.

Я обомлел. Меня бы мог сейчас сразить наповал даже удар зубочисткой.

– Бингли? Нипочем бы его не узнал. Он совершенно изменился. Когда-то он был худой и очень мрачный, просто туча тучей. Казалось, он вечно погружен в мысли о грядущей революции, которая предоставит ему свободу гнаться за мной по Парк-лейн с обагренным кровью ножом.

Ликер, казалось, возвратил Дживсу душевное равновесие. Теперь в его голосе слышалось привычное спокойствие.

– Думаю, в то время, когда он работал у вас, он придерживался крайне левых взглядов. Они поправились, когда он стал собственником.

– Собственником?

– Его дядя, владелец лавки, умер и оставил ему в наследство дом и круглую сумму.

– Думаю, перемена взглядов под влиянием полученного наследства – частое явление среди таких людей, как Бингли.

– Очень распространенное. Они начинают смотреть на грядущую революцию с другой точки зрения.

– Понимаю вашу мысль. Они не хотят, чтобы за ними гнались по Парк-лейн с обагренными кровью ножами. Он все еще камердинер?

– Он удалился на покой. Ныне он праздный обыватель Маркет-Снодсбери.

– Маркет-Снодсбери? Забавно.

– Простите, сэр?

– Я хотел сказать, странно, что он живет именно в Маркет-Снодсбери.

– Многие люди живут в Маркет-Снодсбери, сэр.

– Но ведь мы сейчас как раз туда едем. Интересное совпадение. Там, судя по всему, находится дом его дяди.

– Надо полагать.

– Возможно, мы увидимся с ним.

– Надеюсь, что нет, сэр. Я о нем плохого мнения. Бесчестный человек. На него нельзя положиться.

– Почему вы так решили?

– Интуиция.

Но это уже не моя забота. Занятому человеку вроде меня некогда разбираться, можно положиться на Бингли или нет. Если нашим дорогам суждено пересечься, я хотел бы только, чтобы он оставался трезвым и держался подальше от холодного оружия. Живи сам и давай жить другим – вот девиз Вустеров. Я допил виски с содовой и встал.

– Вот что я думаю, – сказал я. – Если он такой ярый консерватор, нам будет легко убедить его голосовать за Медяка. А сейчас нам пора. Медяк повезет нас на своей машине, и я не знаю, когда он за нами заедет. Спасибо за королевский прием, Дживс. Вы вдохнули новую жизнь в мою изможденную оболочку.

– Не стоит благодарности, сэр.

Глава 5

Медяк заехал за мной, как и обещал, и, выходя к машине, я увидел, что ему удалось поговорить с Магнолией: на заднем сиденье сидела девушка, и когда он сказал: «Знакомьтесь: мистер Вустер, мисс Гленденнон», – все для меня окончательно прояснилось.

Хорошая девушка, подумал я, и собой хороша. Но все-таки не настолько, чтобы отнести на ее счет прибаутку Дживса: «Так вот краса, что в путь суда подвигла»¹¹, и, вероятно, это было даже к лучшему, потому что Флоренс, я думаю, выказала бы недовольство, возвратись Медяк из поездки с приобретением, от которого глаз не отвести. Человек в его положении должен проявлять большую осмотрительность при выборе секретарши и отсеивать кандидаток, которые могли бы победить на последнем конкурсе «Мисс Америка». Но безусловно, у нее была приятная внешность. Она производила впечатление тихой, участливой девушки, которая, только поделись с ней своим горем, и за руку тебя возьмет, и по головке погладит. Если придешь к ней и скажешь: «Я только что совершил убийство, и мне как-то не по себе», – то услышишь в ответ: «Ничего страшного, постарайтесь не думать об этом. С кем не бывает». Короче, маленькая мама, к тому же классная машинистка. Чего еще можно было желать для Медяка?

Дживс вынес чемоданы и сложил их в багажник, и Медяк попросил меня вести машину, потому что ему нужно было обсудить с новой секретаршей много вопросов, касающихся, видимо, ее должностных обязанностей. Дживс сел впереди рядом со мной, и мы отправились; о поездке как таковой не могу сказать ничего интересного. Всю дорогу я пребывал в веселом расположении духа, как всегда, когда не за горами новая встреча со стряпней Анатоля. Дживс, вероятно, испытывал те же чувства: он такой же горячий поклонник этого сковородного самородка, как и я, но если я распевал за рулем, то он, по своему обыкновению, был нем, как чучело лягушки, и не подтягивал, хотя я настойчиво приглашал его петь со мной на два голоса.

Достигнув цели путешествия, мы разошлись по своим делам. Дживс занялся багажом, Медяк повел Магнолию Гленденнон в свой кабинет, а я направился в гостиную, где никого не застал. Дом показался мне вымершим; в предвечернее время загородные усадьбы часто производят такое впечатление на новоприбывшего гостя. Ни тети Далии, ни ее супруга дяди Тома нигде не было видно. Я подумал, не заглянуть ли в ту комнату, где дядя Том хранит свою коллекцию старинного серебра, но решил, что не стоит. Дядя Том представляет собой тип страстного коллекционера, который будет часами напролет рассказывать своей бедной жертве о канделябрах, листовном узоре, рельефном изображении венков из лент и орнаменте «годрон» в виде цепи овалов – что, конечно, никому не интересно.

Можно было нанести визит Анатолю, но и от этой мысли я отказался. У него тоже есть свой конек – состояние его здоровья, и он не преминет излить на беззащитного слушателя длинный монолог на эту тему. У него случаются приступы того, что он называет *mal au foie*¹², и его рассуждения представляют интерес скорее для специалиста-медика, чем для профана вроде меня. Не знаю, отчего так, но когда кто-то начинает рассказывать мне о своей печени, я всегда слушаю без особого наслаждения.

В общем, мне ничего не оставалось, как отправиться на прогулку по обширному парку и земельным угодьям.

В этот предвечерний час было душно и знойно, и казалось, природа колеблется, нагнать ей страху на людишек сильнейшей грозой или не стоит, – но я пренебрег опасностью. Неподалеку от дома находится лесок, в который я всегда любил ходить; туда-то я и направился. Там к

¹¹ Кристофер Марло. Трагическая история доктора Фауста. Акт V, сцена 1. Перевод Е. Бируковой.

¹² Болезнь печени (*фр.*).

услугам тех, кто желает посидеть и поразмышлять, есть пара деревянных лавочек, и, двигаясь прямым курсом вдоль первой из них, я увидел, что на ней лежит дорогой фотоаппарат.

Я несколько удивился: я понятия не имел, что тетя Даля пристратилась к фотографии, хотя, конечно, тетушки – народ взбалмошный, от них только и жди сюрпризов. Почти сразу же мне пришла в голову здравая мысль, что без дождя грозы не бывает, а от дождя фотоаппарат может испортиться. Поэтому я взял его и зашагал обратно к дому, предвкушая радость пожилой родственницы, которая будет благодарить меня за заботу со слезами на глазах, но тут раздался вопль, и из-за кустов появился какой-то человек. Не скрою, я порядком струхнул.

Это был на редкость толстый мужчина с большим розовым лицом и в панаме с розовой лентой. Я никогда его раньше не видел и задался вопросом, что он тут делает. Что такого субъекта могла пригласить тетя Даля, было маловероятно, тем более его не мог пригласить дядя Том, который настолько не жалуется гостей, что, узнав об их приближении, обычно бросается наутек и исчезает, по словам Дживса, так, что и следов не найдешь. Но как я уже говорил, тетушки – народ взбалмошный, от них только и жди сюрпризов, и не приходилось сомневаться, что у прародительницы есть веские причины якшаться с этим типом. Поэтому я вежливо улыбнулся и добродушно поприветствовал его: «Салют».

– Хороший денек, – сказал я, все еще вежливо улыбаясь. – Хотя не такой уж хороший. Похоже, будет гроза.

Казалось, он был чем-то раздражен. Его лицо стало таким же ярко-розовым, как лента на панаме, и щеки его слегка затряслись.

– К черту грозу! – ответил он, скажем так, несколько отрывисто, и я сказал, что и сам не люблю грозу. Особенно, добавил я, мне не по душе молния.

– Говорят, она никогда не ударяет дважды в одно и то же место, но ведь хватит и одного раза, правда?

– К черту молнию! Что вы делаете с моим фотоаппаратом.

Этот вопрос, естественно, повернул мои мысли в другое русло.

– Так это ваш фотоаппарат?

– Да, мой.

– Я собирался отнести его в дом.

– Отнести в дом?

– Я боялся, что его замочит дождь.

– Хм. Кто вы такой?

Я был рад, что он спросил об этом. Такому сообразительному малому, как я, не стоило большого труда догадаться, что он полагает, будто схватил меня с поличным, и я был рад возможности вручить ему свои верительные грамоты. Я понимал, что, прежде чем мы вместе сможем весело посмеяться над этим забавным недоразумением, мне придется немало попотеть.

– Моя фамилия Вустер, – сказал я. – Я тетин племянник. В смысле, – продолжил я, потому что мне показалось, что мои последние слова прозвучали как-то не совсем так, – миссис Траверс – моя тетка.

– Вы живете в ее доме?

– Да. Я только что приехал.

– Хм, – сказал он снова, но уже с меньшей враждебностью в голосе.

– Да, – лишний раз подтвердил я.

Наступила пауза, во время которой он, вероятно, мысленно переоценил произошедшее в свете моих заявлений и подверг его тщательному разбору; затем он еще раз хмыкнул и заковылял прочь.

Я не сделал ни шага, чтобы последовать за ним. Я был сыт по горло нашим общением, несмотря на его краткость. Живя под одной крышей, решил я, мы, безусловно, будем иногда раскланиваться, но только в том случае, если столкнемся нос к носу. Весь этот эпизод напо-

нил мне о моей первой встрече с сэром Уоткином Бассетом и о недоразумении с его зонтиком. Я был потрясен, как в тот раз. Хорошо, что в двух шагах от меня стояла деревянная лавочка и я мог посидеть и успокоить нервы. Небо становилось все более сумрачным и – как бы это сказать – чреватым грозой, но я не трогался в путь. Только после того как у меня над головой раздался грохот, точно пятьдесят семь грузовиков проехали по деревянному мосту, я понял, что малейшее промедление будет неразумно. Я поднялся и припустил к дому, добежал до застекленной двери гостиной и уже собирался войти, но тут изнутри до меня донесся человеческий голос. Даже, пожалуй, не то чтобы человеческий: это был голос моего нового знакомого, с которым мы болтали о фотоаппаратах.

Я замер. Когда-то я любил, лежа в ванне, петь песню, рефрен или припев которой начинался со слов: «Я стоял, я смотрел, и я слушал», – и как раз этим я сейчас и занимался, только вот смотреть было некуда. Дождь не шел, да и грохот грузовиков на деревянном мосту больше не раздавался. Казалось, природа махнула на все рукой, решив, что затевать грозу слишком хлопотно. Так что я не только не был убит молнией, но даже не промок и пребывал в прежнем состоянии.

Владелец фотоаппарата говорил с невидимым собеседником и сказал вот что: «Его фамилия Вустер. Говорит, он племянник миссис Траверс».

Было ясно, что к началу разговора я опоздал. Должно быть, до этого был задан какой-то вопрос, скажем: «Вы, случайно, не знаете, кто этот высокий, стройный, симпатичный, я бы даже сказал – очаровательный молодой человек, с которым я разговаривал неподалеку от дома?» Или, возможно, вопрос был задан чуть-чуть иначе. Суть от этого не меняется. А второй собеседник подал реплику, что, мол, понятия не имею. После чего владелец фотоаппарата и произнес услышанную мною фразу. Не успел он договорить, как в комнате кто-то громко фыркнул, и раздался возглас, полный ужаса и отвращения: «Вустер!» Я весь задрожал от макушки до пят. Возможно, я даже охнул, но, к счастью, не настолько громко, чтобы меня услышали в гостиной.

Дело в том, что я узнал голос лорда Сидкапа, или Спода, как я всегда буду его называть, сколько бы титулов он ни унаследовал. А ведь я-то думал и надеялся, что навсегда отряс прах Тотли-Тауэrsa от своих ног и больше не увижу Спода. Этого живоглота, который своими поступками еще с раннего детства заставлял всех добропорядочных людей хвататься за головы. Неудивительно, что у меня на секунду потемнело в глазах, и я, чтобы не упасть, вынужден был ухватиться за поплывший мимо розовый куст.

Этот Спод – здесь необходимы разъяснения для новичков, которые не читали предыдущих разделов моего жизнеописания, – многократно встречался мне на жизненных, так сказать, перекрестках, и никогда эти встречи добром не кончались. Я сказал, что сомневаюсь в возможности нежной дружбы между мной и владельцем фотоаппарата, но было еще менее вероятно, чтобы такое, как выражается Дживс, слияние душ произошло у нас со Сподом. Наши взгляды друг на друга были вполне определенными. Он был убежден, что, пока английскую землю топчут Вустеры, она никогда не станет землей героев, а я, в свою очередь, полагал, что тонна кирпичей, брошенная с высоты на голову Спода, – верное средство от всех недугов Англии.

– Вы с ним знакомы? – спросил владелец фотоаппарата.

– К сожалению, да, – ответил Спод таким тоном, точно он Шерлок Холмс и его спросили, знаком ли он с профессором Мориарти. – А вы как с ним столкнулись?

– При его попытке удрать с моим фотоаппаратом.

– Ха!

– Естественно, я подумал, что он хочет его украсть. Но если он действительно племянник миссис Траверс, это меняет дело.

Спод скептически отнесся к такому умозаключению, на мой взгляд, достаточно убедительному, и снова фыркнул – даже оглушительнее, чем в первый раз.

– То , что он племянник миссис Траверс, ровным счетом ничего не значит. Будь он племянником архиепископа, он вел бы себя точно так же. Тихой сапой Вустер украдет все, что только не прибито гвоздями. Он знал о вашем присутствии?

– Нет. Я стоял за кустом.

– А фотоаппарат у вас хороший?

– Уйму денег стоил.

– Тогда он, конечно, собирался его украсть. Решил, должно быть, что ему подфартило. Позвольте мне рассказать вам о Вустере. Наша первая встреча произошла в антикварном магазине. Я пришел туда с сэром Уоткином Бассетом, моим будущим тестем. Он коллекционирует старинное серебро. Сэр Уоткин поставил там среди мебели свой зонтик. Вустер был в магазине, но где-то прятался, и мы его не видели.

– Небось в каком-нибудь темном углу?

– Или за каким-нибудь шкафом. Мы только тогда его заметили, когда он уже крался к выходу с зонтиком сэра Уоткина.

– Наглый какой.

– Ну еще бы. Им без этого нельзя.

– Пожалуй. В таких делах нужны дерзость и хладнокровие.

Не будет преувеличением сказать, что я вскипел праведным гневом. Как я уже имел случай писать, тот мой поступок объяснялся просто. Выходя в то утро из дома, я не взял зонтика и в магазине по рассеянности схватил чужой, следуя естественному закону, согласно которому человек безотчетно тянется к тому зонтику, что поближе, как цветок – к солнцу.

Потом снова заговорил Спод. Я не сомневался, что пауза в их разговоре была занята размышлениями о моем проступке. Теперь его голос звучал так, словно готовил слушателя к кульминационному моменту.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но вскоре после этого он появился в Тотли-Тауэрсе, имении сэра Уоткина в Глостершире.

– Поразительно!

– Я знал, что вы удивитесь.

– Конечно, загримированный? В парике? С приклеенной бородой? С накрашенными щеками?

– Нет, он приехал, ни от кого не таясь, по приглашению моей будущей жены. У нее к нему какая-то сентиментальная жалость. Думаю, она надеется его перевоспитать.

– Таковы девушки.

– Да, но лучше бы они не были такими.

– Вы отругали свою будущую жену?

– Тогда я не мог этого сделать.

– Может, оно и к лучшему. Однажды я отругал девушку, на которой хотел жениться, а она взяла и вышла за биржевого маклера. Так что же было дальше?

– Он украл одну ценную вещь. Серебряный кувшинчик для сливок. Такой сливочник в виде коровы.

– Мне лично врач запрещает есть сливки. Его, конечно, арестовали?

– Как его арестуешь? Никаких улик.

– Но вы знали, что это его рук дело?

– Мы были уверены.

– Да, неприятно. И больше вы его не видели?

– Вы не поверите, но он еще раз приехал в Тотли-Тауэрс.

– Потрясающе!

– Снова по приглашению моей будущей жены.

– Вы говорите о мисс Бассет, которая приехала вчера вечером?

– Да, о Мадден.

– Прелестная девушка. Я встретил ее в саду перед завтраком. По рекомендации врача я выхожу подышать свежим воздухом рано утром. Вы знаете, она думает, что пелена тумана в ложбине не что иное, как фата феи.

– У нее очень прихотливое воображение.

– С этим, по-видимому, ничего не поделаешь. Но вы начали рассказывать о его втором посещении Тотли-Тауэрс. Украл он что-нибудь на этот раз?

– Янтарную статуэтку, оцениваемую в тысячу фунтов.

– Вот умелец! – сказал владелец фотоаппарата, как мне показалось, с затаенным восхищением. – Надеюсь, его арестовали?

– Да. Он провел ночь в местной тюрьме. Но на следующее утро сэр Уоткин смягчился и отпустил его с миром.

– Неуместная снисходительность.

– Вот именно.

Владелец фотоаппарата больше не высказывался на эту тему, хотя про себя, вероятно, подумал, что он в жизни не видел такого сиропного семейства, как эти Бассеты.

– Что ж, я глубоко вам признателен, – сказал он, – что вы рассказали мне о Вустере и предостерегли на будущее. Я привез с собой одну очень ценную антикварную вещь, которую надеюсь продать мистеру Траверсу. Если Вустер о ней узнает, он непременно попытается ее украсть, и если он попадет на этой краже, то, обещаю вам, одной ночью в тюрьме он не отделается. Его накажут по всей строгости закона. Кстати, как насчет партии в бильярд перед ужином? Врач прописал мне небольшую физическую нагрузку.

– С удовольствием.

– Тогда пойдемте в бильярдную.

Подождав, пока они уйдут, я вошел и опустился на диван. Я был глубоко взволнован: если вы думаете, что кому-нибудь приятно услышать слова, которые говорил обо мне Спод, вы ошибаетесь. У меня участился пульс, и на лбу выступил трудовой пот, как у деревенского кузнеца. Я остро нуждался в глотке спиртного, и в тот самый момент, когда мой язык уже начал присыхать к гортани, на сцене появился Дживс, держа в руках поднос со всем необходимым. Вот так же – вы, наверно, слышали – в Альпах приходят на помощь людям сенбернары, за что их и ценят так высоко.

К иступленному восторгу, который я испытал при виде Дживса, примешалось удивление по поводу того, что он выступил в роли виночерпия. По всем правилам это была компетенция Сеппингса, дворецкого тети Далии.

– Привет, Дживс! – выпалил я.

– Добрый вечер, сэр. Я распаковал ваш багаж. Можно налить вам виски с содовой?

– Конечно, можно. Вы что, теперь здесь за дворецкого? Я в полном недоумении. Где Сеппингс?

– Он слег в постель, сэр, с острым несварением желудка, произошедшим из-за злоупотребления яствами месье Анатоля за обедом. Я временно исполняю его обязанности.

– Очень благородно с вашей стороны, и очень благородно было прийти мне на помощь именно сейчас. Я испытал потрясение, Дживс.

– Сочувствую вам, сэр.

– Вы знали, что Спод здесь?

– Да, сэр.

– И мисс Бассет?

– Да, сэр.

– Мы как будто снова попали в Тотли-Тауэрс.

– Понимаю ваше замешательство, сэр, но нежелательных контактов легко избежать.

– Да, но пока вы будете избегать нежелательных контактов, о вас нараскажут всяким типам в панамах, что вы – нечто среднее между аристократом-взломщиком и вокзальным воришкой, – сказал я, хлестко сформулировав идею Спода.

– Весьма огорчительно, сэр.

– Еще бы. Мы-то с вами знаем, что все мои действия в Тотли-Тауэрсе имеют разумное объяснение, но я боюсь, как бы Спод не рассказал что-нибудь тете Агате.

– Маловероятно, сэр.

– И я так думаю.

– Но мне понятны ваши чувства, сэр. «Кто тащит деньги – похищает тлен. Что деньги? Были деньги, сплыли деньги. Они прошли чрез много тысяч рук. Иное – незапятнанное имя. Кто нас его лишает, предает нас нищете, не сделавшись богаче»¹³.

– Точно. Сами придумали?

– Нет, сэр. Шекспир.

– У вашего Шекспира есть несколько метких высказываний.

– По-моему, все его высказывания таковы, сэр. Налить вам еще виски?

– Непременно, Дживс, и с подобающей расторопностью.

Вновь выполнив спасительную миссию сенбернара, он удалился, и когда я, уже не испытывая острой жажды, медленно потягивал вторую порцию виски, дверь распахнулась, и в гостиную влетела тетя Даля, вся веселье и румянец.

¹³ Уильям Шекспир. Отелло. Акт III, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

Глава 6

Встречаясь с этой родственницей, я каждый раз думаю, как странно, что одна сестра – назовем ее сестрой А – может быть так не похожа на другую – назовем ее сестрой Б. Если тетя Агата рослая, худощавая и скорее напоминает стервятника из пустыни Гоби, то тетя Даля коренастая, как регбист, чья задача – вводить мяч в схватку. И по характеру они совершенно разные. Тетя Агата холодная и высокомерная, что, вероятно, не мешает ей оживляться в полнолуние, когда, по слухам, она совершает человеческие жертвоприношения. Со мной она всегда обращается так, словно она строгая воспитательница, а я – ее шестилетний подопечный, которого она только что застала воровующим варенье из буфета. Тетя Даля, напротив, веселая и добродушная, как «дама»¹⁴ из рождественской комедии. Загадка природы, да и только.

Я обратился к ней с громким приветом, в каждом звуке которого чувствовались родственная любовь и почтение, и даже запечатлел на ее лбу нежный поцелуй. Сейчас было не время песочить ее за то, что она напустила полный дом всяких Сподов, девиц Бассет и хамоватых пузанов в панамах.

В ответ она приветствовала меня грубоватым охотничьим улюлюканьем. Очевидно, псовая охота приучает выражаться междометиями.

– Кого я вижу: молодой Берти.

– Он самый. Бодр и весел, готов к любым превратностям судьбы.

– И как обычно, томится жаждой. Я так и думала, что застаю тебя хлебющим виски.

– Я пью исключительно в лечебных целях. Я испытал потрясение.

– Из-за чего?

– Случайно мне стало известно о пребывании в доме этого фрукта Спода, – сказал я, почувствовав, что настал удобный момент для того, чтобы перейти к изложению претензий. – Чего ради вы пригласили сюда этого дьявола в образе человеческом? – спросил я, зная, что она разделяет мое мнение о седьмом графе Сидкапе. – Вы много раз говорили мне, что считаете его грубейшей ошибкой природы. И тем не менее лезете из кожи вон, чтобы, как это сказать, подмазаться к нему, что ли. Уж не спятили ли вы, старая прародительница?

Казалось бы, после такого нагоняя она должна была залиться краской, которую, правда, едва ли удалось бы разглядеть – у нее и без того красные щеки, потому что в свое время она охотилась в сильные морозы, – но ни о каких угрызениях совести в ее случае речь не шла. Пользуясь выражением из репертуара Анатоля, можно сказать, что вся моя ругань была ей как об стенку горох.

– Меня попросил Медяк. Он хочет, чтобы Спод выступал с речами в его поддержку. Он шапочко с ним знаком.

– Избави Бог ему познакомиться с ним поближе.

– Медяку нужна всемерная помощь, а Спод не уступает в красноречии легендарным ораторам. Прямо златоуст. Ему не пришлось бы ударить пальцем о палец, чтобы попасть в парламент.

Наверно, она была права, но меня задевала любая похвала в адрес Спода. Я парировал с обидой в голосе:

– Что же мешает ему баллотироваться?

– То, что он лорд, лопух ты этакий.

– А лорда нельзя избрать в парламент?

– Конечно, нет.

¹⁴ Характерная роль, которую исполняет мужчина.

– Понятно, – сказал я, удивившись, что кому-то все-таки заказан путь в палату общин. –
Что ж, выходит, ваша вина не так серьезна, как я думал. Как вы с ним ладите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.